

ОРГАНИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В РОССИИ И ПОЛЬШЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СРАВНЕНИЯ

П. В. Осколков

Институт Европы РАН,
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3
МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию: 17.07.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-7
© Осколков П. В., 2022

Предлагается модель классификации организаций этнических меньшинств, основанная на сочетании дискурсивных и недискурсивных критериев и профиля политических возможностей. Одна диаспоральная и одна недиаспоральная организации были выбраны для сравнения в России и в Польше. Диаспоральность определяется на основе критериев У. Сафрана и триадической конфигурации Р. Брубейкера. Российские кейсы — «Коми Войтыр» и «Конгресс поляков в России», польские кейсы — «Движение за автономию Силезии» и «Белорусский дом». Проанализировав статус, охват деятельности, внешнее и внутреннее политическое влияние, локализацию и роль в триадической конфигурации, мы видим, что, хотя все рассматриваемые кейсы — ассоциации этнических меньшинств, их правовой статус и охват деятельности существенно различаются. Их внутривнутриполитические возможности незначительны. Из четырех кейсов лишь одна организация активно участвует в «треугольнике» Брубейкера, однако ее роль нетрадиционна для соответствующего «угла». Хотя обе российские ассоциации имеют определенный официальный статус, их деятельность сводится к культурно-языковой сфере и направлена в основном «вовнутрь». Обе польские ассоциации действуют на международной арене как группы интересов, и их деятельность не сводима к языку и культуре. Предлагаемая рамка сравнения не претендует на универсальность, но, надемся, способна разнообразить методологический инструментарий сравнительных этнополитических исследований.

Ключевые слова:

этническое меньшинство, этническая ассоциация, этническая политика, диаспора, Движение за автономию Силезии, Коми Войтыр, триадическая конфигурация

Литература, методология и методы

Организации этнических меньшинств в России (а также национализм как одну из составляющих соответствующего дискурса) подробно исследовали многие авторы, среди которых можно выделить, в частности, Дмитрия Горенбурга [1], Гузель Юсупову [2], Константина Замятина [3], Марата Илиясова [4]; работы таких выдающихся ученых, как Рэймонд Пирсон [5], Уилл Кимлика [6], Майкл Китинг [7], были посвящены национализму этнических меньшинств в других странах и регионах. Тем не менее в данной статье мы хотели бы пролить свет на сложности, которые возникают при попытке классифицировать этнические ассоциации: они, очевидно, различаются по многим критериям, и для того чтобы сравнить несколько кейсов даже внутри одной политики, необходимо принять во внимание множество дискурсивных, политических и правовых характеристик. Несмотря на то что в академической литературе политизации этничности и деятельности организаций этни-

Для цитирования: Осколков П. В. Организации этнических меньшинств в России и Польше: методологические вызовы сравнения // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 113–127.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-7.

ческих меньшинств традиционно придается большое значение [8], известно не так уж много попыток сгруппировать и классифицировать упомянутые организации в соответствии с относительно универсальными критериями. Помимо стандартного разделения этнических ассоциаций на ассоциации этнического меньшинства и этнического большинства [9], мы можем назвать всего несколько успешных и широко распространенных классификаций: например, расположение этнических сообществ в матрице, образованной институциональными ресурсами (ограниченными или существенными) и границами сообщества (проницаемыми или непроницаемыми) [10], или классификация коалиций этнических меньшинств в соответствии с характером этнической аффилиации (внутриэтническая либо межэтническая), уровнем функционирования (локальный, национальный, региональный либо глобальный), сектором публичной политики, в котором действует коалиция, и заявленной целью [11]. В данной статье мы хотели бы предложить рамку для сравнения и классификации, основанную на комбинации различных критериев, связанных с политическими возможностями организации в той или иной политической системе; рамку, объединяющую дискурсивные и недискурсивные, субъективные и объективные характеристики. Хотя предлагаемая схема не претендует на то, чтобы быть универсальной, а любое сравнение социальных объединений а priori проблематично в силу их изменчивой природы, мы надеемся, что данная работа может внести определенный вклад в инструментарий сравнения организаций этнических меньшинств.

Вслед за Бенедиктом Андерсоном мы понимаем этническое сообщество как «воображаемое» — нам приходится его воображать, поскольку мы не в состоянии лично знать каждого члена группы [12]. Также мы согласны с Уолкером Коннором в том, что этническая группа может рассматриваться как форма «расширенного родства» [13, р. 202]. Этнически активные индивиды, как правило, действуют в рамках «теории рационального выбора» [14], хотя нельзя не признать, что рациональное в этническом сознании сосуществует с немалой долей иррациональности.

Выбирая кейсы для рассмотрения в данной работе, необходимо найти исследовательский дизайн, который соответствовал бы комплексной природе этнических структур Восточной Европы. Ни MDSO, ни MSDO как дизайны исследования в чистом виде не подошли бы в силу важной роли эндогенных и экзогенных факторов. Поэтому для каждой из двух рассматриваемых стран мы избрали две организации меньшинств — одну диаспоральную и одну недияспоральную. Уолкер Коннор определил диаспору как «сегмент народа, живущий за пределами своей родины» [15, р. 16]. Уточнить это определение возможно, приняв критерии диаспоры, выделенные Уильямом Сафраном: распространение группы с первоначальной территории происхождения во внешние регионы, коллективная память о стране происхождения, чувство отчуждения от общества-реципиента, миф о возможном возвращении в страну происхождения [16, р. 83—84]. Эти определения диаспоры не предполагают неизбежно «этнической» природы диаспоральной группы; все идентичности диаспоры динамичны и имеют множество измерений, и их «этнический» компонент может быть подменен иными индикаторами «диаспоральности». Тем не менее стоит признать, что «диаспора сама по себе рассматривает этнические связи как центральный, хотя и динамичный, элемент социальной организации» [17, р. 576]. Иными словами, диаспора — действительно этнический феномен, однако сами границы «этнического» необходимо понимать весьма широко, не ограничиваясь примордиалистским взглядом (см. также: [18; 19]).

Дополнительный критерий мы позаимствовали из трудов Нины Глик Шиллер: она предположила, что диаспоральным сообществам свойствен «удаленный национализм», то есть «набор идентитарных практик, которые соединяют людей, живущих в различных географических регионах, с конкретной территорией, понимаемой ими как их исторический дом», вне зависимости от того, как далеко этот «дом» расположен от их нынешнего места жительства [20, р. 570]. Наконец, еще один

критерий стало возможным применить в силу географической близости стран, рассматриваемых в статье. По мысли Роджерса Брубейкера, если государство стремится стать «национальным» и в нем проживает этническое меньшинство, важно, имеет ли это меньшинство «внешнюю национальную родину», которая способна защищать его права [21]. Подобная триадическая конфигурация может возникнуть, если этническое меньшинство пользуется поддержкой соседнего государства, являющегося его «внешней национальной родиной».

Другой важный аспект изучения этнических меньшинств — степень их институционализированности. Источником вдохновения здесь может служить типология степеней этнической инкорпорации, разработанная Доном Хандельманом. Он предложил разделять этнические организации на «этнические категории», «этнические сети», «этнические ассоциации» и «этнические сообщества». Чтобы сформировать сообщество, необходимо наличие стандартизированных этнических характеристик, сотрудничества в соответствии с этническими границами, корпоративной организации с общими целями и территориальной базы [22]. Применяя эти критерии к избранным кейсам, мы видим, что у диаспоральных организаций редко есть собственная «территориальная база»; тем не менее все рассматриваемые в статье организации соответствуют критериям этнической ассоциации.

Итак, мы собираемся изучить возможности классификации организаций этнических меньшинств на примере диаспоральных и недиаспоральных этнических ассоциаций, частично вписанных в триадическую конфигурацию Брубейкера. Для исследования были выбраны в России — «Коми Войтыр», недиаспоральная организация, представляющая интересы народа коми, и диаспоральный «Конгресс поляков в России»; в Польше — «Движение за автономию Силезии» (недиаспоральное) и «Белорусский дом» (диаспоральный). Россия и Польша были избраны как соседние страны с долгой традицией сосуществования в Российской империи и в «Восточном блоке», в то же время существенно различающиеся с точки зрения современных политических систем. В предыдущие столетия часть Восточной Польши была включена в российскую территорию; в послевоенный период СССР оказал прямое влияние на политическую систему Польской народной республики, которая заимствовала от восточного соседа много ключевых черт, включая плановую экономику, господствующую идеологию и репрессивный аппарат. Сейчас, когда Польша стала членом НАТО и ЕС, она традиционно воспринимается (и конструируется) как один из главных оппонентов российского влияния в Восточной Европе. Ее политическая система считается намного более демократичной, чем российская; однако под управлением партии «Право и справедливость» в последние годы в Польше начали наблюдаться тенденции, сходные с российскими, — авторитарный стиль деятельности исполнительной власти, ограничения на работу законодателей и судебной системы, дискурс «защиты традиционных ценностей» и общий «нелиберальный биополитический консерватизм» [23]. Сложно утверждать, что из всех возможных примеров этнических ассоциаций избранные кейсы наиболее типические. Тем не менее, по нашему мнению, они обладают теми характеристиками, которые позволяют нам продемонстрировать, с одной стороны, сложности, связанные с кросс-национальным сравнением этнических ассоциаций, с другой — возможную применимость предлагаемого здесь алгоритма сравнения.

Итак, учитывая вышеописанные критерии, мы остановились на четырех кейсах. Вышеприведенная категориальная рамка позволяет нам оценить (1) применимость концепта «диаспоры» к соответствующей организации, (2) характеристики организации, раскрывающие дискурсивное обоснование ее деятельности, (3) границы и возможности внешней поддержки, которой организация может воспользоваться, (4) организационную структуру — то есть может ли в конкретном случае применяться категория «этнической ассоциации». Основные черты рассматриваемых организаций, повлиявшие на их выбор в качестве кейсов, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Кейсы, рассматриваемые в статье, и критерии выборки

Кейс	Критерий					
	Коллективная память (Сафран)	Чувство отчуждения (Сафран)	Миф о возвращении (Сафран)	Удаленный национализм (Глик Шиллер)	Наличие внешней национальной родины (Брубойкер)	Этническая ассоциация (Хандельман)
«Коми Войтыр»	+	+	-	-	-	+
«Конгресс поляков в России»	+	+	+	+	+	+
«Движение за автономию Силезии»	+	+	-	-	-	+
«Белорусский дом»	+	+	+	+	+	+

В статье мы рассматриваем политические возможности каждой из четырех организаций. При этом речь не идет о классическом концепте структуры политических возможностей (СПВ), предложенном Сидни Тэрроу [24]. По мнению Тэрроу, СПВ включает в себя открытость политической системы, стабильность политических связей, наличие потенциальных партнеров и внутриэлитных конфликтов. Очевидно, что эти факторы непосредственно обуславливают динамические изменения, которые могут быть либо подавлены, либо осуществлены в полной мере. Однако наша цель — выявить ключевые черты, определяющие статус ассоциации как таковой, не углубляясь в окружающий ее контекст политической системы (хотя в определенной степени такое «углубление» необходимо). Мы все же называем это политическими возможностями, потому что рассматриваем в том числе то, какие шаги по максимизации политического влияния позволяет предпринимать этническим ассоциациям их структурная позиция. Тем не менее мы считаем важным отметить, что данное исследование не следует классическому пониманию СПВ.

В работе применяется метод структурированного и фокусированного сравнения кейс-стади (см. [25]). Сравнение основывается на анализе внешнего и внутреннего контекстов деятельности ассоциаций, в частности правового статуса, охвата сфер активности, внутреннего и внешнего политического влияния, роли в триадической конфигурации и локализации (более подробно параметры сравнения описаны в разделе «Сравнение»). Эти параметры позволяют нам создать профиль политических возможностей каждого из кейсов и поместить их в аналитическую рамку сравнительного анализа организаций этнических меньшинств.

Кейсы

«Коми Войтыр» («народ коми» на языке коми) была основана в 2002 г. в результате правовой коллизии: республиканский закон «О статусе съезда коми народа» был признан не соответствующим федеральному законодательству, потому как «съезд не может иметь монопольного права представлять весь коми народ, поскольку является общественной структурой» [26, с. 196]. Теперь в соответствии с уставом это «межрегиональное общественное движение», не стремящееся к политическому представительству. У «Коми Войтыр» есть отделения во всех районах Республики Коми и в некоторых других регионах России, где имеется этническое присутствие коми (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Мурманская область, Санкт-Петербург, Москва) [27, с. 60]. В соответствии со ст. 75 региональной конституции Республики Коми, принятой в 1994 г., у «Коми Войтыр» есть право законодательной инициативы как у исполнительного органа съездов народа коми;

естественно, это право относится только к Республике Коми. Фактически, у организации консультативный статус, сравнимый с таковым у Ассоциации ненецкого народа «Ясавэй» в Ненецком автономном округе [28].

Республиканские власти поддерживают деятельность «Коми Войтыр» при условии, что она не вмешивается в реальную политическую борьбу [29; 30]. Основная цель организации — поддержка и популяризация культуры коми в республике и за ее пределами; таким образом, для региональных властей это орган, который помогает поддерживать образ «этнической особенности» и способствует внутреннему туризму, а также вносит вклад в формирование «особого отношения» к региону как к этническому. В 1990-е гг. «Коми Войтыр» активно принимала участие в процессе принятия решений, особенно в сфере использования и распределения природных ресурсов и разработки культурной и языковой политики в республике¹. Тем не менее сейчас ее деятельность ограничивается почти исключительно сферой культуры и языка². Консультативный статус не позволяет организации действовать как независимый политический актор, выдвигающий кандидатов на выборах и расширяющий свою повестку; также она не может трансформироваться в политическую партию, поскольку создание этнических и региональных партий запрещено российским законодательством. В соответствии со ст. 9.3 федерального закона «О политических партиях», принятого в 2001 г., «не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности». Несмотря на это, у «Коми Войтыр» есть возможность действовать на международной арене как одного из представителей российской «Финно-Угрии», — хотя позиция «Коми Войтыр» на международных финно-угорских конгрессах, как правило, совпадает с официальной позицией российских федеральных властей.

«Конгресс поляков в России» был основан в 1992 г. как часть всемирной «Полонии» [32; 33]. Он объединяет 48 польских организаций в различных городах страны. «Окно возможностей» Конгресса еще уже, чем у «Коми Войтыр». Он обладает статусом «федеральной национально-культурной автономии» в соответствии с федеральным законом «О национально-культурной автономии» от 1996 г., и всякая возможность политических действий для него исключена. Как группа интересов Конгресс тоже вряд ли может функционировать в связи со спецификой российских политических практик. Хотя председатель Конгресса Галина Романова — член Консультативного совета по делам национально-культурных автономий при Федеральном агентстве по делам национальностей и Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, эти позиции имеют лишь символическое значение. Конгресс *de facto* не включен в триадическую конфигурацию из-за невозможности политической деятельности. Поскольку польское этническое меньшинство дисперсно распределено по территории России, деятельность Конгресса не сводится к конкретному региону. Хотя и «Коми Войтыр», и «Конгресс поляков в России» официально зарегистрированы и имеют определенный официальный статус, их активность ограничена культурной и языковой сферой³ и происходит преимущественно внутри России.

Деятельность силезского этнического движения основана на конструктивистском понимании силезского народа, который считает себя потомком коренного

¹ Некоторые крупные компании, чья деятельность способна нанести вред экологической ситуации в Республике Коми, все же предпочитают заручиться поддержкой «Коми Войтыр», чтобы избежать даже небольших рисков. К примеру, в 2015 г. республиканское отделение энергетической корпорации «Лукойл» подписало с организацией соглашение о сотрудничестве (подобное же соглашение было подписано с вышеупомянутой ассоциацией «Ясавэй» в НАО). Подробнее см. [31, p. 13].

² См.: Межрегиональное общественное движение «Коми Войтыр», 2022, URL: <http://komivoityr.ru> (дата обращения: 15.07.2022).

³ См.: Конгресс поляков в России, 2022, URL: <http://www.poloniarosji.ru/ru> (дата обращения: 15.07.2022).

славянского населения Силезии — исторического региона, располагающегося преимущественно на территории Польши (Вроцлав, Катовице), а также частично в Германии и Чехии. В ходе переписи населения Польши 2011 г. около 809 тыс. граждан заявили о себе как о силезцах⁴. Юзеф Кождонь, один из основателей силезского националистического движения, писал: «Я не немец, но я и не поляк, и не хочу им быть... Языковое сообщество — это не национальное сообщество. Главный фактор — это сообщество духовное» [35, s. 31]. «Движение за автономию Силезии» (*Ruch Autonomii Śląska*) сформировалось в 1990 г. как группа интересов, его целью было восстановление автономии польской части Силезии, существовавшей до Второй мировой войны [36]. Официально организация представляет собой социальное объединение, а не политическую партию; однако «Движение» участвует в выборах в качестве зарегистрированной группы интересов.

Основа идеологии «Движения за автономию Силезии» — этнорегионализм, то есть требования большей автономии регионов, основанные на этнических особенностях их населения [37—39]. Его нельзя назвать эксклюзивистским националистическим движением, поскольку идеологи «Движения» считают силезский народ «инклюзивным, плюралистическим и вариативным сообществом» [40, s. 266]. В этом отношении «Движение» сходно, к примеру, с «Шотландской национальной партией», по мнению которой, «если ты живешь в Шотландии, то автоматически становишься частью “шотландского проекта” и считаешься шотландцем» [41].

Один из важнейших аспектов деятельности «Движения за автономию Силезии» — организация «Маршей за автономию», первый из которых состоялся в 2007 г. Поскольку статус ДАС достаточно близок к статусу политической партии, оно способно оказывать прямое воздействие на польскую политическую систему. Тем не менее его программа направлена исключительно на узкий круг силезских этнических активистов, и оно не представлено на национальном уровне — активность движения ограничивается рамками Силезского воеводства. Однако даже в Сеймике Силезского воеводства «Движение» было представлено лишь в 2010—2018 гг., имея 3—4 места. В действующем составе Сеймика оно не представлено вообще. «Движение» также является одним из основателей Силезской региональной партии (*ŚPR*, основана в 2017 г.), которая не представлена ни на одном из уровней управления. Программа партии охватывает различные аспекты самоуправления и, таким образом, выходит за рамки культурно-лингвистической повестки. «Движение» активно и на наднациональном уровне — в рамках «Европейского свободного альянса», «зонтичной» организации, объединяющей сепаратистские и регионалистские партии Европы [42; 43]; «Альянс» представлен в Европейском парламенте как составная часть политической группы «Зеленые — ЕСА» (хотя силезские регионалисты и не представлены в парламенте непосредственно). У «Движения» есть несколько партнерских организаций в других европейских странах, к примеру, «Инициатива за силезскую автономию» в Германии и «Силезское движение за автономию» в Великобритании.

«Белорусский дом» имеет официальный статус «фонда» (*fundacja*, неправительственная организация), основанного в Варшаве в 2012 г. Он поддерживает тесные связи с другими сообществами белорусской диаспоры. Как неправительственная организация, «Дом» не имеет возможности напрямую влиять на внутреннюю политику Польши, однако активно действует в качестве группы интересов и позиционирует себя как «альтернативное посольство» — в противовес представителям официального Минска. Его основная провозглашенная цель — «служить Беларуси,

⁴ *Wyniki Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2011. Podstawowe informacje o sytuacji demograficzno-społecznej ludności Polski oraz zasobach mieszkaniowych*. Warszawa, Główny Urząd Statystyczny, 2012. S. 18. В ходе переписи 2021 г. отсутствовала возможность автоматически выбрать из списка предлагаемых этнических аффилиаций силезскую. Это привело не только к определенному искажению действительного числа силезцев, но и к недогованию силезских этнических активистов [34].

а не диаспоре» [44]. «Белорусский дом» представляет собой активную часть триадической конфигурации, хотя его роль несколько нетрадиционна для организации этнического меньшинства; скорее даже белорусское государство в рамках этой конфигурации не выполняет классических функций «внешней национальной родины». Как правило, между этими двумя элементами «треугольника» предполагается определенное сотрудничество. В случае польско-белорусского треугольника речь идет не о сотрудничестве, а о соперничестве — поскольку действующий политический режим в Беларуси имеет репрессивный характер, и «Белорусский дом» стремится создать альтернативный образ страны, который бы не ассоциировался с властью Александра Лукашенко [45].

По результатам протестов, захлестнувших Беларусь после объявления официальных итогов президентских выборов в 2020 г., «Белорусский дом» организовал широкую кампанию финансовой, медицинской и правовой поддержки политических заключенных и оппозиционных активистов. Также «Дом» организовал встречу лидера оппозиции Светланы Тихановской с представителями диаспоры в Варшаве. Фонд организует множество культурных и образовательных мероприятий — к примеру, образовательные поездки в Польшу для белорусских граждан, встречи с белорусскими писателями и журналистами, живущими за рубежом, а также акции солидарности с народом Беларуси. «Белорусский дом» действует и на международной арене, особенно в рамках различных программ Европейского союза, таких как Erasmus⁵. К примеру, только за лето 2022 г. «Дом» организовал образовательную поездку белорусских граждан в Европейский парламент, встречу с послом США в Польше, членами польского и литовского парламентов, а также конкурс EU4Belarus — SALT. На первый взгляд может показаться, что деятельность «Дома» не охватывает широкие слои белорусской диаспоры в Польше; тем не менее очевидно, что его активность не ограничивается мероприятиями для молодежи и студентов, а направлена на различные сегменты диаспоры, включая пенсионеров и детей. Хотя и у «Движения за автономию Силезии», и у «Белорусского дома» есть определенный официальный статус, их влияние на внутреннюю политику стран пребывания достаточно небольшое; однако обе организации действуют как международные политические группы интересов, и их деятельность несводима к вопросам культуры и языка.

Сравнение

Для сравнения кейсов мы составили таблицу с основными критериями и их значением (табл. 2). В качестве критериев были выбраны такие категории, как правовой статус, охват деятельности, внутреннее и внешнее политическое влияние, роль в триадической конфигурации и локализация. Вероятно, сравнение бы обогатила количественная операционализация политического влияния, но для целей данного исследования этот шаг представляется избыточным. Поэтому предложенные критерии и соответствующие результаты основаны на анализе информации, в сокращенном виде изложенной в предыдущем разделе. Критерии правового статуса (к какой категории организация относится, согласно документам), охвата деятельности (различных сфер, в которых организация активна) и локализации (географическая представленность) основаны на фактах и официальных документах. Напротив, оценка внешнего и внутреннего политического влияния (масштаб достижений организации в сфере внутренней и внешней политики, права, которыми организация официально наделена, степень представленности в органах управления), а также роли в триадической конфигурации (соответствия профиля организации «стороне треугольника» в модели Брубейкера) в большей степени основана на наших субъективных суждениях. Тем не менее в этой субъективной оценке мы ориентируемся на данные веб-сайтов, информацию на страницах в социальных медиа и материалы СМИ.

⁵ Беларускі Дом Варшава, 2022, URL: <https://belaruskidom.eu> (дата обращения: 15.07.2022).

Таблица 2

**Профиль политических возможностей этнических ассоциаций,
рассмотренных в статье**

Этническая ассоциация	Правовой статус	Охват деятельности	Внутреннее политическое влияние	Внешнее политическое влияние	Роль в триадиической конфигурации	Локализация
«Коми Войтыр»	Межрегиональное общественное движение	Культурная и языковая сфера	Право законодательной инициативы, закрепленное в региональной конституции Республики Коми, но в настоящий момент de facto сведенное к сфере культуры	Представитель народа коми на международных финно-угорских конгрессах; в настоящее время повестка совпадает с официальным курсом РФ	Отсутствует, так как нет «внешней национальной родины»	В основном Республика Коми; есть несколько отделений в регионах с существенным присутствием коми, но там возможности политической деятельности отсутствуют даже в культурной сфере
«Конгресс поляков в России»	Федеральная национально-культурная автономия	Культурная и языковая сфера, также частично образовательная	Консультативный статус при Федеральном агентстве по делам национальностей, поддерживается от деятельности в сфере публичной политики	Отсутствует	Несущественная. Хотя все «углы треугольника» присутствуют, поскольку организация не принимает участия в политическом процессе, она не может рассматриваться как активный участник конфигурации	Распределена по примерно 50 городам России с существенным присутствием польского меньшинства. Не концентрируется в конкретном регионе

Окончание табл. 2

Этническая ассоциация	Правовой статус	Охват деятельности	Внутреннее политическое влияние	Внешнее политическое влияние	Роль в триадической конфигурации	Локализация
«Движение за автономию Силезии»	Социальное движение, действующее на региональном уровне в качестве аналога политической партии в связке с Силезской региональной партией	Регионалистская, региональная. Программа включает основные вопросы национальной политики, актуальные для Силезского воеводства	Группа интересов за расширение автономии Силезии. В 2010—2018 гг. была незначительно представлена на региональном уровне власти. На настоящий момент подсобного представительства не имеет	Активный член Европейского свободного альянса. Осуществляет взаимодействие с другими этнорегионалистскими политическими движениями и партиями в Европе, включая силезские объединения, действующие за пределами Польши	Отсутствует, так как нет «внешней национальной родины»	Силезское воеводство
«Белорусский дом»	Неправительственная организация, фонд (fundacja)	Защита прав человека, образование, политический лоббизм	Формально отсутствует; неформально — центр белорусской диаспоры и оппозиции режиму Лукашенко на территории Польши	Самоопределяется как «альтернативное посольство Беларуси» в Польше, поддерживает связи с институтами ЕС и различными международными проектами, включая образовательные и правозащитные	Весьма существенная. Действует преимущественно как внешний актор по отношению к действующему белорусскому режиму, демонстрируя возможные альтернативы; способствует поддержанию международных связей белорусской оппозиции. Тем не менее роль в «треугольнике» негражданская (не защита прав меньшинства в национализирующемся государстве)	Штаб-квартира в Варшаве; также активен в других городах Польши с белорусским населением

Заключение

Хотя все четыре избранных для анализа кейса представляют собой ассоциации этнических меньшинств, их правовой статус и охват деятельности существенно различаются. За исключением «Конгресса поляков в России» рассмотренные ассоциации играют активную роль во внешней политике, в то время как во внутриполитической жизни их политические возможности не слишком значительны. Из четырех кейсов только одна организация активно участвует в триадической конфигурации Брубейкера. Тем не менее роль «Белорусского дома» далека от традиционных функций, отводимых в «треугольнике» этническому меньшинству. Вместо защиты интересов условного «угнетаемого меньшинства» (белорусов) в «национализирующем государстве» (Польше) при поддержке «внешней национальной родины» (Беларуси) «Дом» оказывает влияние на двусторонние польско-белорусские отношения, действуя в качестве группы интересов и фасилитатора политических реформ и оппозиционной борьбы в упомянутой «внешней родине». Если отдельно сравнить две ассоциации, действующие в России, их деятельность сводится к культурно-языковой сфере и ориентирована «вовнутрь». Обе рассматриваемые ассоциации, действующие в Польше, также имеют официальный статус, хотя их внутриполитическое влияние незначительно. Однако обе действуют на международной арене как группы интересов, и их деятельность несводима к культурно-языковой сфере.

Представленная выборка далека от широкой репрезентативности; при этом именно подробный анализ индивидуальных случаев позволяет нам осмыслить сложности, связанные с категоризацией и классификацией различных ассоциаций меньшинств и соотношением их с «идеальными типами». Выше мы продемонстрировали, что индивидуальные черты и структуру возможностей необходимо принимать во внимание, рассматривая общий контекст деятельности организации и пытаясь осуществить генерализацию. Выводы этого небольшого исследования, очевидно, следует в дальнейшем подкрепить более глубоким тематическим и дискурс-анализом, а также количественным анализом более обширной кросснациональной выборки. Однако мы надеемся, что стратегия сравнения, основанная на сочетании формальных и дискурсивных характеристик, связанных с профилем политических возможностей, может иметь определенную «добавленную стоимость» для сравнительных исследований организационных структур, формируемых этническими меньшинствами.

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г.).

Список литературы

1. Gorenburg, D. 2003, *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*, Oxford, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511550348>.
2. Yusupova, G. 2017, Cultural nationalism and everyday resistance in an illiberal nationalising state: ethnic minority nationalism in Russia, *Nations and Nationalism*, vol. 24, № 3, p. 624—647, <https://doi.org/10.1111/nana.12366>.
3. Zamyatin, K. 2016, An Ethnopolitical Conflict in Russia's Republic of Mari El in the 2000s: The Study of Ethnic Politics under the Authoritarian Turn, *Finnisch-Ugrische Forschungen*, № 63, p. 214—253, <https://doi.org/10.33339/fuf.86125>.
4. Iliyassov, M. 2018, Chechen ethnic identity: assessing the shift from resistance to submission, *Middle Eastern Studies*, vol. 54, № 3, p. 475—493, <https://doi.org/10.1080/00263206.2018.1423967>.

5. Pearson, A. 1983, *National minorities in Eastern Europe, 1848–1945*, London, Macmillan.
6. Kymlicka, W. 2001, Immigrant Integration and Minority Nationalism. In: Keating, M., McGarry, J. (eds.), *Minority Nationalism and the Changing International Order*, Oxford, Oxford University Press, p. 61–79, <https://doi.org/10.1093/0199242143.003.0004>.
7. Keating, M. 2013, Minority nationalism and the state: the European case. In: Watson, M. (ed.), *Contemporary Minority Nationalism*, Taylor and Francis, p. 174–193, <https://doi.org/10.4324/9781315001708>.
8. Weber, A., Hiers, W., Flesken, A. 2016, *Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective*, London, Palgrave Macmillan.
9. Тэвдой-Бурмули, А.И. 2018, *Этнополитическая динамика Европейского союза*, Москва, Аспект Пресс.
10. Orum, A. M. 2005, Circles of Influence and Chains of Command: The Social Processes Whereby Ethnic Communities Influence Host Societies, *Social Forces*, vol. 84, №2, p. 921–939, <https://doi.org/10.1353/sof.2006.0025>.
11. Germane, M. 2015, Minority coalition-building and nation-states, *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, vol. 14, №2, p. 51–75.
12. Anderson, B. 1983, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London, Verso.
13. Connor, W. 1994, *Ethnonationalism: A Quest for Understanding*, Princeton, NJ, Princeton University Press.
14. Banton, M. 2004, Are Ethnicity and Nationality Twin Concepts? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 30, №4, p. 807–814, <https://doi.org/10.1080/13691830410001699621>.
15. Connor, W. 1986, The Impact of Homelands upon Diasporas. In: Sheffer, G. (ed.), *Modern Diasporas in International Politics*, London, Croom Held, p. 16–46.
16. Safran, W. 1991, Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return, *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*, vol. 1, №1, p. 83–99, <https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004>.
17. Anthias, F. 1998, Evaluating 'Diaspora': Beyond Ethnicity? *Sociology*, vol. 32, №3, p. 557–580, <https://doi.org/10.1177/0038038598032003009>.
18. Cohen, R. 1996, Diasporas and the State: From Victims to Challengers, *International Affairs*, vol. 72, №3, p. 507–520.
19. Chiang, Ch. 2019, Diasporic Theorizing Paradigm on Cultural Identity, *Intercultural Communication Studies*, vol. 19, №1, p. 29–46.
20. Glick Schiller, N. 2005, Long-Distance Nationalism. In: Ember, M., Ember, C., Skogsgard, I. (eds.), *Encyclopedia of Diasporas. Immigrant and Refugee Cultures Around the World*, Boston, Springer, p. 570–580, https://doi.org/10.1007/978-0-387-29904-4_59.
21. Brubaker, R. 1995, National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe, *Daedalus*, vol. 124, №2, p. 107–132.
22. Handelmann, D. 1977, The Organization of Ethnicity, *Ethnic Groups*, vol. 1, №1, p. 187–200.
23. Yatsyk, A. 2019, Biopolitical conservatism in Europe and beyond: the cases of identity-making projects in Poland and Russia, *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 27, №4, p. 463–478, <https://doi.org/10.1080/14782804.2019.1651699>.
24. Tarrow, S. 1989, *Struggle, politics, and reform: collective action, social movements and cycles of protest*, Ithaca, N. Y., Cornell University Press.
25. George, A. L., McKeown, T. J. 1985, Case Studies and Theories of Organizational Decision Making, *Advances in Information Processing in Organizations*, vol. 2, №1, p. 21–58.
26. Шабаев, Ю.П. 2015, «Коми Войтыр». В: Садохин, А., Шабаев, Ю. (ред.), *Уральская языковая семья: народы, регионы и страны*, Москва, Директ Медиа, с. 259–264.
27. Марков, В. 2012. Этнокультурное развитие национальных меньшинств в Республике Коми. В: Строгальщикова, З. (ред.), *Этнокультурное развитие национальных меньшинств на Северо-Западе России, в северных странах и странах Балтии*. Петрозаводск, Совет министров Северных стран, с. 54–64.
28. Oskolkov, P. 2020, Merging Russia's Autonomous Entities: Ethnic Aspect, *ICELDS*, URL: <https://www.icelds.org/2020/06/15/merging-russias-autonomous-entities-ethnic-aspect/> (дата обращения: 15.07.2022).

29. Prozes, J. 2015, *Kas Putin on vepslane*, Tallinn, Argo.
30. Taagepera, R. 1999, *Finno-Ugric Republics and the Russian State*, London, C. Hurst & Co, <https://doi.org/10.4324/9781315022574>.
31. Wilson, E., Istomin, K. 2019, Beads and Trinkets? Stakeholder Perspectives on Benefit-sharing and Corporate Responsibility in a Russian Oil Province, *Europe-Asia Studies*, vol. 71, № 8, p. 1285—1313, <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1641585>.
32. Stecula, D., Radzilowski, Th. 2013, *Polonia: Today's Profile, Tomorrow's Promise*, Ham-track, Piast Institute.
33. Fiń, A., Nowak, W. 2015, Między absencją a zaangażowaniem. Diaspora polska wobec organizacji polonijnych (komunikat z badan), *Studia Migracyjne — Przegląd Polonijny*, № 2, p. 145—164.
34. Ciastoch, M. 2021, Spis Powszechny nie uwzględnia narodowości śląskiej. Twardoch: To szykany, *Nozz.pl*, URL: <https://noizz.pl/spoleczenstwo/spis-powszechny-nie-uwzględnia-narodowosci-slaskiej-twardoch-to-szykany/> (дата обращения: 15.07.2022).
35. Jerczyński, D. 2006, *Historia Narodu Śląskiego. Prawdziwe dzieje ziem śląskich od średniowiecza do progu trzeciego tysiąclecia*. Łędziny, Instytut Ślůnskiej Godki.
36. Zweifel, Ł. 2013, Ruch Autonomii Śląska, *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Politologica*, № XI, p. 178—199.
37. Lynch, P., De Winter, L. 2008, The Shrinking Political Space of Minority Nationalist Parties in an Enlarged Europe of the Regions, *Regional & Federal Studies*, vol. 18, № 5, p. 583—606, <https://doi.org/10.1080/13597560802351606>.
38. Fagerholm, A. 2016, Ethnic and Regionalist Parties in Western Europe: A Party Family? *Studies in Ethnicity and Nationalism*, vol. 16, № 2, p. 304—339, <https://doi.org/10.1111/sena.12191>.
39. Newth, J. 2021, Populism and nativism in contemporary regionalist and nationalist politics: A minimalist framework for ideologically opposed parties, *Politics*, vol. 41, № 1, p. 1—22, <https://doi.org/10.1177/0263395721995016>.
40. Slenzok, N. 2019, Śląski nacjonalizm? Myśl polityczna ruchu autonomii Śląska, *Wrocławskie Studia Erazmiańskie*, № XIII, p. 249—268, <https://doi.org/10.34616/wse.2019.13.249.268>.
41. Kennedy, A. L. 2014, Scotland's Radically Inclusive Nationalism: Why I Would Vote for Independence, *The New Republic*, URL: <https://newrepublic.com/article/119413/scottish-referendum-yes-vote-vote-against-empire> (дата обращения: 15.07.2022).
42. De Winter, L., Gomez-Reino Cachafeiro, M. 2002, European Integration and Ethnoregionalist Parties, *Party Politics*, vol. 8, № 4, p. 483—503, <https://doi.org/10.1177/1354068802008004007>.
43. Осколков, П. В. 2021, Этнорегионалистские партии ЕС: феномен Европейского свободного альянса, *Современная Европа*, № 1, с. 141—150, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12021141150>.
44. Chapman, A. 2013, Belarusian Warsaw — ghetto or gilded cage? *OpenDemocracy*, URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/belarusian-warsaw-ghetto-or-gilded-cage/> (дата обращения: 15.07.2022).
45. Wilson, A. 2021, *Belarus: The Last European Dictatorship*, New Haven, Yale University Press.

Об авторе

Петр Викторович Осколков, кандидат политических наук, руководитель Центра этнополитических исследований, Институт Европы РАН, Россия; эксперт, НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала», МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: petroskolkov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4501-9042>

ETHNIC MINORITY ORGANISATIONS IN RUSSIA AND POLAND: A COMPARISON CHALLENGE

P. V. Oskolkov

Institute of Europe, Russian Academy of Science
11-3 Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia
MGIMO-University
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia

Received 17.07.2022
doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-7
© Oskolkov, P. V., 2022

This article proposes a framework for classifying ethnic minority organisations based on a broad combination of discursive and non-discursive criteria rooted in their political opportunities profile. One diasporic and one non-diasporic organisation were chosen for Russia and Poland, respectively. Diasporicity is understood according to William Safran's criteria and Rogers Brubaker's triadic configuration. The Russian study cases are Komi Voityr and the Russian Polish Congress; the Polish, the Silesian Autonomy Movement and the Belarussian House. The analysis of their status, activities, domestic and external political impact, localisation and role in the 'triadic configuration' has shown that the four cases are ethnic minority associations, and their legal status and scope of activities differ significantly. Their domestic political opportunities are rather scarce. Out of the four cases, just one organisation is an active part in Brubaker's classical triadic configuration; its role is not traditional, ascribed to the respective 'angle'. Although both Russian associations enjoy an official status, their activities are limited to the cultural, memorial and linguistic domains, primarily at the national level. In Poland, both associations act internationally as advocacy groups, and their activities are not confined to culture and language. Far from being universally applicable, the proposed classification framework can still add to the comparative ethnic politics toolkit.

Keywords:

ethnic minority, ethnic association, ethnic politics, diaspora, Silesian Autonomy Movement, Komi Voityr, triadic configuration

References

1. Gorenburg, D. 2003, *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*, Oxford, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511550348>.
2. Yusupova, G. 2017, Cultural nationalism and everyday resistance in an illiberal nationalising state: ethnic minority nationalism in Russia, *Nations and Nationalism*, vol. 24, № 3, p. 624–647, <https://doi.org/10.1111/nana.12366>.
3. Zamyatin, K. 2016, An Ethnopolitical Conflict in Russia's Republic of Mari El in the 2000s: The Study of Ethnic Politics under the Authoritarian Turn, *Finnisch-Ugrische Forschungen*, № 63, p. 214–253, <https://doi.org/10.33339/fuf.86125>.
4. Iliyassov, M. 2018, Chechen ethnic identity: assessing the shift from resistance to submission, *Middle Eastern Studies*, vol. 54, № 3, p. 475–493, <https://doi.org/10.1080/00263206.2018.1423967>.
5. Pearson, A. 1983, *National minorities in Eastern Europe, 1848–1945*, London, Macmillan.
6. Kymlicka, W. 2001, Immigrant Integration and Minority Nationalism. In: Keating, M., McGarry, J. (eds.), *Minority Nationalism and the Changing International Order*, Oxford, Oxford University Press, p. 61–79, <https://doi.org/10.1093/0199242143.003.0004>.

To cite this article: Oskolkov, P. V. 2022, Ethnic minority organisations in Russia and Poland: a comparison challenge, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no. 4, p. 113–127. doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-7.

7. Keating, M. 2013, Minority nationalism and the state: the European case. In: Watson, M. (ed.), *Contemporary Minority Nationalism*, Taylor and Francis, p. 174–193, <https://doi.org/10.4324/9781315001708>.
8. Weber, A., Hiers, W., Flesken, A. 2016, *Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective*, London, Palgrave Macmillan.
9. Тэвдой-Бурмули, А.И. 2018, *Этнополитическая динамика Европейского союза*, Москва, Аспект Пресс.
10. Orum, A.M. 2005, Circles of Influence and Chains of Command: The Social Processes Whereby Ethnic Communities Influence Host Societies, *Social Forces*, vol. 84, № 2, p. 921–939, <https://doi.org/10.1353/sof.2006.0025>.
11. Germane, M. 2015, Minority coalition-building and nation-states, *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, vol. 14, № 2, p. 51–75.
12. Anderson, B. 1983, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London, Verso.
13. Connor, W. 1994, *Ethnonationalism: A Quest for Understanding*, Princeton, NJ, Princeton University Press.
14. Banton, M. 2004, Are Ethnicity and Nationality Twin Concepts? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 30, № 4, p. 807–814, <https://doi.org/10.1080/13691830410001699621>.
15. Connor, W. 1986, The Impact of Homelands upon Diasporas. In: Sheffer, G. (ed.), *Modern Diasporas in International Politics*, London, Croom Held, p. 16–46.
16. Safran, W. 1991, Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return, *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*, vol. 1, № 1, p. 83–99, <https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004>.
17. Anthias, F. 1998, Evaluating ‘Diaspora’: Beyond Ethnicity? *Sociology*, vol. 32, № 3, p. 557–580, <https://doi.org/10.1177/0038038598032003009>.
18. Cohen, R. 1996, Diasporas and the State: From Victims to Challengers, *International Affairs*, vol. 72, № 3, p. 507–520.
19. Chiang, Ch. 2019, Diasporic Theorizing Paradigm on Cultural Identity, *Intercultural Communication Studies*, vol. 19, № 1, p. 29–46.
20. Glick Schiller, N. 2005, Long-Distance Nationalism. In: Ember, M., Ember, C., Skogsgard, I. (eds.), *Encyclopedia of Diasporas. Immigrant and Refugee Cultures Around the World*, Boston, Springer, p. 570–580, https://doi.org/10.1007/978-0-387-29904-4_59.
21. Brubaker, R. 1995, National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe, *Daedalus*, vol. 124, № 2, p. 107–132.
22. Handelman, D. 1977, The Organization of Ethnicity, *Ethnic Groups*, vol. 1, № 1, p. 187–200.
23. Yatsyk, A. 2019, Biopolitical conservatism in Europe and beyond: the cases of identity-making projects in Poland and Russia, *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 27, № 4, p. 463–478, <https://doi.org/10.1080/14782804.2019.1651699>.
24. Tarow, S. 1989, *Struggle, politics, and reform: collective action, social movements and cycles of protest*, Ithaca, N. Y., Cornell University Press.
25. George, A. L., McKeown, T. J. 1985, Case Studies and Theories of Organizational Decision Making, *Advances in Information Processing in Organizations*, vol. 2, № 1, p. 21–58.
26. Shabaev, Yu. 2015, Komi Voityr. In: Sadokhin, A., Shavaev, Yu. (eds.), *Uralskaya Yazykovaya Semya: Narody, Regiony i Strany* [Uralic Language Family: Peoples, Regions, and Countries], Moscow, Direct Media, p. 259–264 (in Russ.).
27. Markov, V. 2012, Ethnocultural Development of Ethnic Minorities in the Komi Republic. In: Strogalshchikova, Z. (ed.), *Ethnokulturnoye razvitiye national'nykh men'shinstv na Severo-Zapade Rossii, v severnykh stranakh i stranakh Baltii* [Ethno-Cultural Development of National Minorities in North-West Russia, Nordic and Baltic Countries], Petrozavodsk, Nordic Councils of Ministers, p. 54–64 (in Russ.).
28. Oskolkov, P. 2020, Merging Russia’s Autonomous Entities: Ethnic Aspect, *ICELDS*, URL: <https://www.icelds.org/2020/06/15/merging-russias-autonomous-entities-ethnic-aspect/> (accessed 15.07.2022).
29. Prozes, J. 2015, *Kas Putin on vepslane*, Tallinn, Argo.
30. Taagepera, R. 1999, *Finno-Ugric Republics and the Russian State*, London, C. Hurst & Co, <https://doi.org/10.4324/9781315022574>.

31. Wilson, E., Istomin, K. 2019, Beads and Trinkets? Stakeholder Perspectives on Benefit-sharing and Corporate Responsibility in a Russian Oil Province, *Europe-Asia Studies*, vol. 71, № 8, p. 1285—1313, <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1641585>.
32. Stecula, D., Radzilowski, Th. 2013, *Polonia: Today's Profile, Tomorrow's Promise*, Ham-track, Piast Institute.
33. Firń, A., Nowak, W. 2015, Między absencją a zaangażowaniem. Diaspora polska wobec organizacji polonijnych (komunikat z badan), *Studia Migracyjne — Przegląd Polonijny*, № 2, p. 145—164.
34. Ciastoch, M. 2021, Spis Powszechny nie uwzględnia narodowości śląskiej. Twardoch: To szykany, *Nozz.pl*, URL: <https://noizz.pl/spoleczenstwo/spis-powszechny-nie-uwzględnia-narodowosci-slaskiej-twardoch-to-szykany/> (accessed 15.07.2022).
35. Jerczyński, D. 2006, *Historia Narodu Śląskiego. Prawdziwe dzieje ziem śląskich od średniowiecza do progu trzeciego tysiąclecia*. Łędziny, Instytut Ślůnskij Godki.
36. Zweiffel, Ł. 2013, Ruch Autonomii Śląska, *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Politologica*, № XI, p. 178—199.
37. Lynch, P., De Winter, L. 2008, The Shrinking Political Space of Minority Nationalist Parties in an Enlarged Europe of the Regions, *Regional & Federal Studies*, vol. 18, № 5, p. 583—606, <https://doi.org/10.1080/13597560802351606>.
38. Fagerholm, A. 2016, Ethnic and Regionalist Parties in Western Europe: A Party Family? *Studies in Ethnicity and Nationalism*, vol. 16, № 2, p. 304—339, <https://doi.org/10.1111/sena.12191>.
39. Newth, J. 2021, Populism and nativism in contemporary regionalist and nationalist politics: A minimalist framework for ideologically opposed parties, *Politics*, vol. 41, № 1, p. 1—22, <https://doi.org/10.1177/0263395721995016>.
40. Slenzok, N. 2019, Śląski nacjonalizm? Myśl polityczna ruchu autonomii Śląska, *Wrocławskie Studia Erazmiańskie*, № XIII, p. 249—268, <https://doi.org/10.34616/wse.2019.13.249.268>.
41. Kennedy, A. L. 2014, Scotland's Radically Inclusive Nationalism: Why I Would Vote for Independence, *The New Republic*, URL: <https://newrepublic.com/article/119413/scottish-referendum-yes-vote-vote-against-empire> (accessed 15.07.2022).
42. De Winter, L., Gomez-Reino Cachafeiro, M. 2002, European Integration and Ethnoregionalist Parties, *Party Politics*, vol. 8, № 4, p. 483—503, <https://doi.org/10.1177/1354068802008004007>.
43. Oskolkov, P. 2021, Ethnoregionalist Parties in the EU: The European Free Alliance Phenomenon, *Sovremennaya Evropa*, № 1, p. 141—150, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12021141150> (in Russ.).
44. Chapman, A. 2013, Belarusian Warsaw — ghetto or gilded cage? *OpenDemocracy*, URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/belarusian-warsaw-ghetto-or-gilded-cage/> (accessed 15.07.2022).
45. Wilson, A. 2021, *Belarus: The Last European Dictatorship*, New Haven, Yale University Press.

The author

Dr Petr V. Oskolkov, Head of the Center for the Studies of Ethnic Politics, Institute of Europe Russian Academy of Sciences, Russia; expert, Human Capital Multidisciplinary Research Center, MGIMO-University, Russia.

E-mail: petroskolkov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4501-9042>

